

Громова П.Д.

Наша память
Небо над Ленинградом

*Мемуары вдовы генерал-лейтенанта
Льва Александровича Громова*

Издание второе

Город Сестрорецк
2022

Генерал-лейтенант Лев Александрович Громов

Я, Полина Дмитриевна Громова, родилась 21 октября 1921 года в селе Ромашково Московской области. В октябре 2021 года мне исполнилось 100 лет – век! Много прожито, пережито, о многом хочется рассказать и передать на память потомкам.

Второе издание книги «Наша память» я посвящаю своему супругу – генерал-лейтенанту Льву Александровичу Громову, с которым меня свела судьба в блокадном Ленинграде, на линии фронта и подарила 46 прекрасных лет совместной жизни и двух замечательных сыновей. Вот уже 30 лет его нет с нами, а память раз за разом возвращает меня в дни молодости, когда мы только познакомились с ним под свист пуль и вой снарядов.

И сколько бы ни минуло лет, с каждым днём я все больше и больше понимаю, какое счастье, что была его женой. Он оставил прекрасные воспоминания о своей семье, о войне, службе в армии, научной деятельности. Только после его смерти я прочитала эти дневники и не переставала удивляться, как он всё успевал? В память о Льве Александровиче мне захотелось написать эту книгу, чтобы не только мои дети, внуки и правнуки узнали о нашей жизни, но и все, кто прочитает эти строки.

Голубевы? Нет, Львовы!

Лев Александрович Громов родился 17 декабря 1921 года в старинном городе на Волге – Костроме в семье рабочих (со стороны отца) и кадровых военных (со стороны матери). Назвали его Львом в честь прадеда со стороны матери, чью фамилию ещё в царские времена изменили с Голубева на Львова за храбрость в боях за освобождение Болгарии от турецкого ига. Но обо всём по порядку.

Отца Льва Александровича звали Александр Иванович, родился он в 1887 году, работал в типографии печатником. Мама – Александра Максимовна Громова, 1895 года рождения, в девичестве носила фамилию Львова. Работала она хирургической медицинской сестрой в детской больнице Костромы.

Жили Громовы в доме тестя Максима Львовича Львова. Родом Максим Львович был из Сунанинского уезда Костромской области. Отец его Лев Голубев прославился тем, что был очень сильным и рослым мужчиной около двух метров роста, занимался земледелием, любил охоту и мог с одной рогатиной завалить медведя. Ещё будучи холостым Максим Львович служил в Костроме извозчиком и на заработанные деньги построил большой дом с мансардой. Этот дом и сейчас стоит в Костроме по адресу: Глухая улица, 5. Максим Львович считался завидным женихом. Ещё бы, такое хозяйство: две лошади, дом и хозяйские постройки! Женился он на костромичке по имени Матрёна. Жили дружно, родили двух дочек – старшую Анну и младшую Лидию.

Максим Львович Львов

В то время, 24 апреля 1877 года Россия вступила в войну, вошедшую в историю как Русско-турецкая война 1877-1878 годов. В Болгарии эта война получила название Освободительной. Максима Львовича призвали в армию, в артиллерию. Он храбро сражался вместе со своими боевыми друзьями за освобождение Болгарии, города Плевна. В ходе последовавших боевых действий русская армия и болгарское ополчение разгромили турецкие войска. 3 марта 1878 года (19 февраля по старому стилю) был подписан Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Османской империей. По этому договору Болгария становилась независимым государством, а также признавалась независимость Черногории, Сербии и Румынии.

В честь победы союзных войск прошла церемония награждения наиболее отличившихся солдат и офицеров. Среди них был и Максим Львович. Надо отметить, что выглядел он как настоящий русский богатырь. Был большого роста с огромными усами и бородой. И когда царский генерал проходил вдоль строя, вручая Георгиевские кресты, невольно остановился около Максима Львовича.

Семья Львовых

На вопрос генерала «Как звать?», он ответил: «Максим Львович Голубев, Ваше высокоблагородие!».

– «Да, какой ты Голубев? Львов, да и только!», – сказал генерал, повесил ему на грудь Георгиевский крест, и с тех пор Максим Львович, а вместе с тем и все его наследники, стали носить фамилию Львовы.

Там в Болгарии, Максим Львович получил печальное

известие. Скончалась его жена Матрёна. Максима Львовича демобилизовали и отправили обратно в Россию. По прибытию в Кострому он выдал замуж старшую дочь Анну и решил ещё раз попытать счастья в семейной жизни. В невесты выбрал скромную, работающую крестьянскую девушку из деревни Нелидово Костромской губернии, которую звали Феодосия Фёдоровна. С ней он прожил 26 счастливых лет. Родили троих детей, а старшую приёмную Лидию воспитывали как родную. Так и стало в семье Львовых пятеро детей и все – дочери: от первого брака – Анна и Лидия, а от второго – Александра 1895 года рождения, Мария 1900 года рождения и Вера 1905 года рождения.

Всем своим дочерям он дал хорошее образование и приданное. Казалось бы, жить да жить в здравии и спокойствии. Но и тогда время было непростое, в России назревала революция. По городам и сёлам нашей страны прокатилась волна революционных стачек и демонстраций. На одной из них юная Александра познакомилась с революционно настроенным Александром Громовым. Работал он в типографии и тайком печатал революционные прокламации и листовки. Они полюбили друг друга и собрались пожениться. Только вот у жениха совсем не было денег на свадьбу... И тогда решительно настроенная Александра отрезала свою девичью косу до пояса, продала в парикмахерской за полтора пуда муки, и на вырученные средства они и сыграли свадьбу.

Жить молодые приехали в дом Максима Львовича. Хоть старшие дети и зять работали, основной заработок всё-таки в дом приносил глава семьи Максим Львович. Он вернулся к профессии извозчика. Чем и кормил свою большую семью. Жили дружно, не ссорились и ладили друг с другом.

Наступил 1914-й год, началась Первая мировая война. В 1916 году Максима Львовича вновь призвали в армию, но на этот раз не на передовую, а в госпиталь, где он около года прослужил санитаром. Но тоже в Болгарию. Там он заразился брюшным тифом и умер в начале 1917 года, где и был похоронен.

Много лет спустя, в 1977 году, я побывала в Болгарии с его внуком Львом Александровичем Громовым, ставшим моим мужем. Лев Александрович тогда потратил двое суток на поиски следов Костромского полка, в котором воевал его дед по материнской линии! Оказалось, что в краеведческом музее города Плевена есть экспозиция, рассказывающая о расположении русских войск при осаде крепости, а в ней – подробное описание штурма крепости Плевена с участием Костромского полка, в котором служил дед Льва Александровича. В описании указаны не только ход и результаты атак, но и погибшие, раненые и отличившиеся в боях солдаты и офицеры. А в церкви деревни Шинка у известного Шинкинского перевала есть могила, где похоронены командир Костромского полка и несколько офицеров, погибших при освобождении Болгарии. Все реликвии боевой славы русского оружия, в том числе и Костромского полка, в котором служил Максим Львович Львов, бережно и с любовью сохраняются болгарским народом. Но это уже другая история, речь о которой пойдёт позже.

Главный вход в региональный исторический музей города Плевен

Лёвушка Громов

17 декабря 1921 года в семье Александры Максимовны и Александра Ивановича Громовых родился первенец, которого назвали в честь прадеда – Львом.

Феодосия Фёдоровна души не чаяла во внуке. Во всём помогала дочери. Ведь она, получив медицинское образование, работала медицинской сестрой, сначала в детской больнице Костромы, а затем хирургической медсестрой в городской больнице. Её очень уважали на работе. Вместе с врачами она спасла сотни жизней своих земляков.

Тем не менее, успевала Александра Максимовна и с повседневными делами в доме. А хозяйство было немаленьким: коза, поросёнок, кошки, собаки, куры... Да и печку русскую надо было топить и еду готовить. Так и получалось, что Александра во всём помогала маме Феодосии Фёдоровне, а мама ей – с воспитанием внука.

Рос маленький Лёвушка, как его любила называть бабушка, спокойным и послушным ребёнком. Любил слушать бабушкины сказки, а когда подрос, помогал ей и маме и по дому, и в огороде. Став постарше, очень любил приходить в типографию к отцу. Очень интересно ему было наблюдать, как буква к букве, слово к слову набирается и печатается газета. Так и получилось, что читать Лев научился ещё до поступления в школу.

Лёвушка 6 лет

Со школьными друзьями. Лев – во втором ряду первый слева. Кострома, 1932 г.

В школе он был очень прилежным учеником. Девиз: «Пионер – всем ребятам пример!» – это точно про Льва Александровича. Он слушал внимательно учителей и старших товарищей, задания выполнял быстро и правильно, бабушка и мама воспитали его в уважении к взрослым. И даже когда он вырос и стал взрослым мужчиной, то говорил всегда не спеша, спокойным и уважительным к собеседнику тоном, кто бы он ни был.

Учился он на круглые пятёрки, много читал и любил узнавать что-то новое. Уже тогда проявился его настойчивый и целеустремлённый характер. В школе его всегда ставили в пример остальным, но Лев никогда не задира голову, его очень любили и уважали, как одноклассники, так и учителя.

В 10 лет у Льва родилась младшая сестра – Соня. Он очень радовался появлению сестры, помогал маме и бабушке её воспитывать. Его двоюродная сестра Марэна, старшая дочь Веры Максимовны, вспоминала, что Лёва был достаточно «строгим» воспитателем и даже гонял их с Соней крапивой, если они его не слушались.

Лучшим школьным другом Льва ещё со школьной скамьи был Коля Фунтов. Вместе они занимались спортом, ходили в походы, катались на лыжах, коньках и санях зимой, а летом гоняли в футбол и плавали на Волге. Однажды, будучи подростками и начитавшись книг, они задумали ехать в Америку освободить угнетённых негров. Втайне от родителей они собирали в дорогу вещи, на которые случайно наткнулась его сестра Соня и всё рассказала маме. План был разоблачён и сорван.

В 1935 году девичьего царства в семье Громовых прибыло. В семье Веры Максимовны Громовой, которая вслед за средней сестрой уехала в Ленинград, родилась дочь Кира. Летом все внуки собирались у бабушки в Костроме, где они и проводили каникулы дружной компанией, а осенью уезжали обратно в Ленинград.

В 1937 году после окончания восьмилетней школы Лев поехал в Ленинград. Его взяла к себе бездетная тётюшка Мария.

Лев с другом Николаем Фунтовым

Тётюшки Мария и Вера

Младшая сестра Александры Максимовны Мария так и не вышла замуж. Она решила продолжить своё образование в Ленинграде, куда переехала после революции. После окончания института культуры была назначена на должность директора неполной средней школы №3 Василеостровского района Ленинграда. Здание школы располагалось в доходном доме А.Г.фон Нидермиллера на 1-й линии Васильевского острова. Сегодня его занимает факультет журналистики СПбГУ. А тогда, с 1925 года это была школа для национальных меньшинств (эстонская, а позднее и татарская), к 1941 году она вновь стала средней школой №3 Василеостровского района. В семье Громовых сохранился пригласительный билет на праздник новогодней ёлки, который состоялся 2 января 1941 года. Кто бы тогда знал, что всего лишь через полгода начнётся война, и Ленинград окажется в кольце блокады...

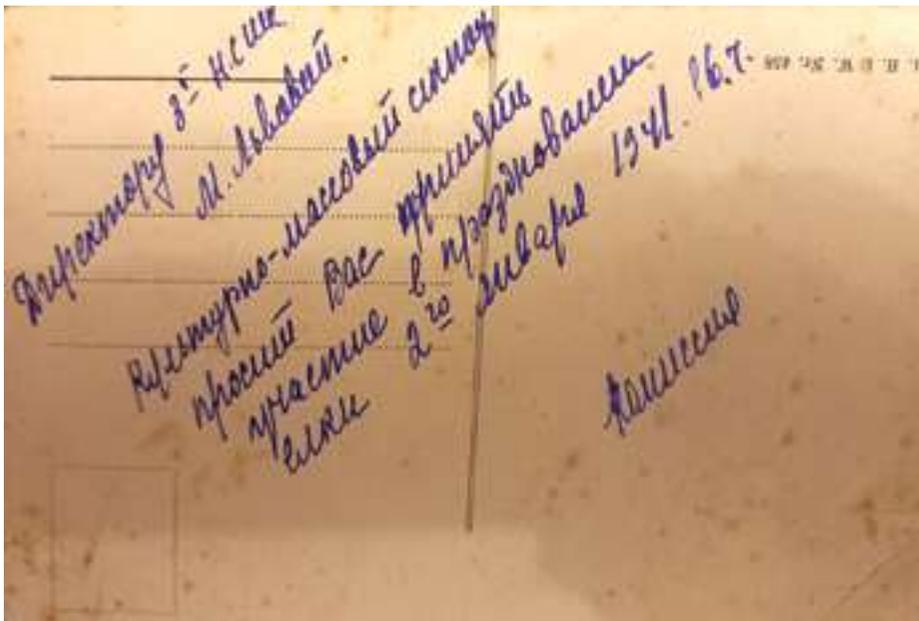
Жила Мария Максимовна Львова в коммунальной квартире в самом центре города на улице Пестеля, 7. Дом был старинной дореволюционной постройки и тоже назывался «доходным». Так называли многоэтажные дома в Петербурге, которые строили специально для того, чтобы сдавать квартиры внаём и получать от этого прибыль. После революции эти дома национализировали, а комнаты распределили среди рабочих и служащих. Так в городе появились коммунальные квартиры, в одной из которых выкупила после завершения института комнату и тётя Льва – Мария Максимовна Громова.

Комната, да и сама квартира даже по современным меркам были ухоженными. Высокие, почти четырёхметровые потолки, украшенная изразцами голландская печь, паркетные полы, огромная ванная комната и кухня с не менее красивой металлической плитой посередине. Этой плитой жильцы пользовались вплоть до 1945 года, пока её не заменили на газовую, а в квартире, как и во всём доме, не провели паровое отопление. Но тогда она служила и источником тепла, и местом приготовления пищи. Особенную службу эта

печь сослужила в блокадные дни, когда стала центром жизни в квартире осаждённого города.

В парадную можно было пройти, лишь получив разрешение у хозяев квартиры. За этим строго следил дворник. Он знал всех постоянных жильцов шестиэтажного дома в лицо и пропускал в дом только по предварительной договорённости с хозяевами. Что удивительно, этот порядок, заведённый до революции, пережил не только 1920-е и 1930-е годы становления советской власти, но и после перерыва в блокадные годы был возобновлён после войны. В большинстве своём в доме жили коренные петербуржцы, рабочие и служащие, как тогда говорили, трудовая интеллигенция.

Младшая дочь Вера Львова, повзрослев, тоже решила переехать в Ленинград, поближе к сестре. Здесь она вышла замуж за инженера Геннадия Васильевича Высоцкого. Жили они с мужем на улице Правды, в доме 22, квартира 47. Как я уже писала, в их семье родились две девочки: Марэна и Кира.

Приглашение Марии Максимовны Львовой на ёлку 2 января 1941 г.

Ленинград

После окончания восьмилетней школы в Костроме шестнадцатилетний Лев по приглашению своей тёти Марии Максимовны Львовой поехал в Ленинград, чтобы продолжить образование. Называл он её ласково – Маруся, а она относилась к нему как к родному сыну.

Шёл 1937 год. Он поступил в среднюю школу №16 Октябрьского района Ленинграда. Хорошо учился. Как и вся молодёжь того времени, стал комсомольцем. Очень много читал, ходил по музеям, кинотеатрам, как губка впитывал знания, которые давал ему город на Неве.

И вновь проявлял не только в учёбе, но и в простом общении с другими людьми удивительные, можно сказать, не по годам, рассудительность, уважение и образованность.

Мама Льва, Александра Максимовна рассказывала, что бабушка Феодосия Фёдоровна часто говорила про Льва: «Вырастет Лёвка, быть ему енералом!» (генералом – прим. автора).

Лёве 17 лет

У него было очень много друзей. Некоторых он вспоминал и после войны. Особенно Юру Артемьева и Ларису, хорошую девушку из интеллигентной семьи, в которую Лев был влюблён первой юношеской влюблённостью. Мне даже казалось, что он долгое время сравнивал меня с ней. Лариса вышла замуж за Юрия, и Лев не хотел был «третьим лишним».

Окончив в 1939 году с золотой медалью

школу, поступил в Ленинградский военно-механический институт. Но уже 2 ноября 1939 года был призван на срочную службу в Красную Армию. В своём юношеском дневнике он тогда оставил запись:

«Много дум в голове о том, каким я приду домой через три года, а главное, куда пойти? В академию, куда я хотел бы пойти, скорее всего, путь закрыт. Всего вероятнее опять институт. Но придётся трудно. Родители будут слабы. Не знаю, реально ли это – вернуться сразу на второй курс. Буду делать всё, чтобы добиться этого».

Начав свой путь в звании красноармейца 192-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского военного округа, Лев Александрович уже через несколько месяцев получил звание младшего сержанта, в котором принимал участие в советско-финляндской войне 1939-1940 годов. И в дальнейшем вся его жизнь была связана со службой в рядах Вооружённых Сил.

*Призывники в Красную Армию. Автово.
Лев Громов – второй в верхнем ряду. 1939 г.*

Защищая небо Ленинграда

После короткой передышки 22 июня 1941 года, в первый день Великой Отечественной войны Лев Александрович был снова призван на Ленинградский фронт, где прошёл путь от должности командира отделения до офицера Штаба артиллерии Армии.

Уже летом 1941 года в звании младшего лейтенанта он командовал отделением 18-й зенитной батареи 4-го дивизиона 192-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта. В декабре 1941 года получил звание лейтенанта. С марта 1943 года – внеочередное повышение звания и новая должность – командир 18-й батареи, которая с осени 1941 года располагалась на крутом берегу реки Ижоры недалеко от Ижорского завода. Подумать только, ему тогда, как и мне, исполнился всего 21 год!

С самого начала войны Лев Александрович вёл фронтовой дневник, где в минуты затишья описывал события, которые произошли в его жизни и в жизни батареи за прошедший период. Когда-то записи удавалось делать едва ли не ежедневно, а когда-то – лишь раз в несколько месяцев. 20 сентября 1941 года Лев Александрович записал в своём дневнике:

Лев. 1939-1940 гг.

«Кончается сентябрь. Идут дожди, стоит сырая пасмурная погода. Стоим недалеко от Усть-Ижоры, километрах в 4 от Колпино. Перебрались со старой позиции 20 дней тому назад. Надеюсь, что на этих рубежах фрицев удержим.

Последний день много стреляли, особенно по штурмовикам, даже спасли своим огнём наш «И-153», который крепко прижал «Мессершмидт-109». В

день отбиваем до 12 атак вражеских бомбардировщиков. Нас они боятся и, как только попадают в зону огня, сразу удирают, беспорядочно сбрасывая бомбы.

Настроение у всех воинственное. Все рвутся в бой и хотят наступления. Долго ли мы будем терпеть этих извергов на нашей земле, надо их скорее гнать. Ждём с надеждой зимы и наступления наших войск под Ленинградом. Решили умереть, но город врагам не отдать».

Вражеские позиции находились настолько близко, что в дальномер можно было рассмотреть, что они там делают, как ходят за водой. Но это означало, что также хорошо они видят и нас. Громов успевал везде и многое сделал для обеспечения максимальной безопасности на батарее. На расстоянии нескольких километров от нашей батареи, которая была хорошо замаскирована, он организовал «ложные позиции».

Батарея находилась на отличном счету у командования. Руководителем Лев Александрович был строгим, но справедливым. Знал каждого бойца, его биографию, слабые и сильные стороны солдат. Нарушений дисциплины не допускал, но даже если его подчинённые и совершали промахи в боевой службе, говорил с ними спокойным голосом, подходил к каждому индивидуально, так что после разговора с командиром каждый боец не только осознавал свою вину, но и в полной мере ощущал ту степень ответственности, которую возложила на него Родина в час грозной опасности.

16 июня 1941 г.

С каждым новобранцем он лично разговаривал, давал наставления, занимался боевой и строевой подготовкой. Подъём на батарею был в 6 утра. Далее в течение нескольких часов до завтрака проходили занятия по строевой подготовке, затем, если не было налётов с воздуха, проводились тактические занятия по отработке навыков работы с орудиями. И не важно, были ли это уже закалённые в боях солдаты, или мы, молоденькие необстрелянные девушки, прибывшие на батарею в январе 1943 года.

Перед батареей стояла задача – сбивать самолёты противника, которые летели с бомбами на Ленинград. Правда, обучали нас работать и по наземным целям, на тот случай, если на нас выдвинутся танки. У каждого на батарее была своя должность. Меня и Настю Макарычеву назначили наводчицами на приборе ПУ АЗО-3, меня – по вертикали, а её – по горизонтали. Лёля стала телефонисткой. Обучались прямо на батарее в минуты затишья, не только изучали приборы, но и учили ползать по-пластунски, владеть винтовкой и противотанковыми ружьями, противогазами, стоять на посту с оружием в руках и другим боевым навыкам.

В мои задачи наводчика по поиску противника по вертикали входило при звуке самолёта противника определить его название, затем визуально увидеть его в перекрестье прибора и доложить: «Цель поймана!». Одновременно с этим практически синхронно работала Настя. Всё это необходимо было делать в считанные секунды, так как от этого зависело качество огня батареи, ведь наши показатели напрямую шли на орудийные расчёты. Тренировались долго и упорно. Командир батареи приказывал запускать в небо воздушные шары, и мы учились мгновенно реагировать, ловить их на приборе и докладывать о выполнении задачи.

Спать на фронте не удавалось практически никому. Можно сказать, что мы только дремали в землянках прямо в шинелях, лишь слегка ослабив завязки на ушанке.

Зенитные орудия в нашем 4-м дивизионе располагались по кругу. Всего – 8 зениток. В центре

Ст. лейтенант Громов на огневой позиции. 1942 г.

был пульт управления. С одной стороны горы у реки располагались кухня и баня. С другой – туалет. Между орудиями, землянками и хозяйственными постройками были выкопаны укрепленные деревом траншеи. И в минуты затишья, и, тем более, во время налёта вражеской авиации ходить можно было только по траншеям и в каске. За этим строго следили. Запомнилось, что во время обстрела нашей позиции, когда мы сидели в траншеях, совершенно не ощущали страха, мысли были только о том, чтобы досыта поесть. Даже шутили между собой: «Недолёт! А я бы сейчас тарелку супа съела! Перелёт! А я бы картошки».

С картошкой и вовсе была особая история. Кормили на фронте значительно лучше, чем гражданских в осаждённом Ленинграде. Но есть хотелось постоянно. Зима 1942-1943 годов была очень холодной. Морозы достигали 40 градусов. До весны были ещё долгих 4 месяца. Но Громов уже тогда задумался о том, чтобы улучшить рацион питания батареи. Он задумал посадить огород. Для этого собрал к себе в землянку руководителей всех орудийных расчётов и предложил

*Быстров Анатолий Петрович,
Бароусов Виктор Яковлевич,
Громов Лев Александрович, Нестайко Иван Кузьмич.
Май 1942 г.*

посадить весной картошку и другие овощи. Вот как об этом записал в своём дневнике сам Лев Александрович:

«...Стали искать тех, кто знает толк в овощеводстве. В первую очередь, стали искать среди бойцов, прибывших из деревень. Таких у нас было двое. Один представлял Украину, второй прибыл из Ленинградской области. Они обещали помочь с посадкой. Немало было специалистов по выращиванию овощей и среди девушек, прибывших из Московской области.

Самой сложной проблемой была обеспечение огорода посадочным материалом, в том числе, картофелем. Чтобы положить что-то в землю – это «что-то» надо иметь. А картофеля не то что лишнего, вообще практически не было. Привозили его совсем немного, едва хватало на питание, и вопрос стоял следующим образом: пустить в пищу или посадить, чтобы осенью картофеля стало в разы больше. Пришлось обсудить этот вопрос на общем батарейном собрании. Большинство высказывалось за то, чтобы

*Лейтенант Громов с сослуживцами.
Зима 1942 г.*

часть картофеля, предназначенного для питания, использовать для посадки. Однако, были и такие, которые возражали, мотивируя свои возражения тем, что до осени далеко, и неизвестно, что с нами со всеми будет завтра. Пришлось считаться и с таким мнением.

В результате всё-таки решили выделить картофель для посадки, используя оставшиеся клубни наиболее рациональным способом. И наши специалисты это сделали! При посадке картофелины её резали на части так, чтобы в каждой из них был хотя бы один «глазок», способный дать росток. Для посадки было решено использовать и очистки, которые срезались таким образом, чтобы оставался тот самый жизнеспособный «глазок».

И весной 1943 года огород был посажен! Кроме картошки там росли капуста, лук и другие овощи. Где он взял эти семена? Может быть, их прислали в посылках бойцам, а может быть, раздобыли в Ленинграде. Но сам факт наличия огорода не только позволил лучше питаться всей батарее, но и поднимал боевой дух солдат и офицеров, был символом мирной жизни, за которую мы все боролись.

Был Лев Александрович и талантливым стратегом. Той же зимой 1942-1943 годов командование поставило перед ним задачу организовать так называемую снайперскую батарею.

В своём фронтовом дневнике Лев Александрович записал тогда: «Я прекрасно понимал всю сложность этой задачи, видел способы, которые могли помочь её улучшенному решению. Чувствовал, что, решая сложную задачу, надо посоветоваться с коллективом, со своими боевыми друзьями. Прежде чем выходить на замполита и капитана, решил собрать лучших служащих взвода, командиров отделений, ведущих номеров и обсудить с ними конкретный план работы по подготовке первого поражающего залпа.

Сложная задача – подготовить стрелка-снайпера, но во много раз сложнее подготовить снайперскую батарею, да тем более, для стрельбы по самолётам. Зенитная батарея – это коллективное оружие. В стрельбе, время ведения которой исчисляется

секундами, принимают участие десятки людей. Чтобы батарея была снайперски – каждый член этого коллектива должен и сам быть снайпером, мастером своего дела. Значит, успех снайперской стрельбы зависит от того, сумеем ли мы всех без исключения номеров расчёта научить вершинам своего дела, тонкостям боевой работы, хватит ли у нас для этого умения научить, хватит ли настойчивости в отработке наиболее искусных приёмов боевой работы. И мы начали рассматривать тонкости боевой работы всех номеров взвода, который, по сути дела, обеспечивал успех или неуспех стрельбы батареи.

Мне особенно памятен один из первых вопросов, который мы рассматривали тогда, и положительное решение которого, по-моему, сыграло важное значение в снайперской стрельбе. Это вопрос о том, как определить момент открытия огня по самолёту, обеспечив при этом его поражение первым же залпом. Именно «Как?». Все понимали, что огонь надо открыть внезапно для врага. Его надо открыть тогда, когда самолёт выйдет на боевой курс. Это уже было хорошо. А вот как это сделать, практически большинство не знало. Пришлось разъяснять. Неизменность высоты, курса и скорости, вот что характеризует выход самолёта на боевой курс, значит необходимо как можно чаще считывать эти данные для командира батареи, а он, сравнивая их, сможет более чётко определить самый выгодный момент для залпа. Выход на боевой курс, когда самолёт готовится нанести бомбовый удар, для пилота самый трудный, он напряжён и, по сути, перестаёт маскироваться и маневрировать. Этот момент мы и должны использовать для открытия по нему прицельного огня».

Конечно, никто не сомневался, что такая батарея будет создана, и прицельный огонь зениток позволит точно уничтожать вражескую авиацию.

Прибыли мы на батарею в начале января 1943 года, а 18 января 1943 года начались бои по прорыву блокады Ленинграда. Я уже описывала свой первый бой, когда мы, необстрелянные девчонки, впервые попав под массированный артобстрел и бомбардировку

авиации, не сплеховали и стойко подносили снаряды к орудиям. А потом в течение нескольких недель осваивали азы управления огнём зенитной батареи.

И тем более, мне было интересно читать, как эти дни описывал в своём походном дневнике Лев Александрович: «Вопросов, которые пришлось рассматривать в теоретическом и в практическом планах оказалось немало. Боялся я одного, вдруг опять начнутся замены, ведь стоило забрать в школу несколько номеров, и всё обучение приходилось проводить сначала. Нам повезло, личный состав взвода длительное время не менялся. Очевидно, сказывалось то, что большее количество пополнения на фронт уже прибывало с Большой земли. Так и к нам на батарею под самый Новый год прислали девушек-новобранцев из Подмосковья.

О том, что готовится наше наступление, мы узнали совершенно случайно. Помогли курильщики, причём, при необычных обстоятельствах. Мой взводный, Леонид Дегтяренко, как-то говорит мне:

- Пойдём сходим на Кирпичный завод. Курить

Слева направо: Громов Л.А.,
Зелинский – командир 18-й батареи,
Бобров Виктор Яковлевич.
1941-1942 гг.

хочется, а у меня все запасы вышли.

На Кирпичном заводе, который располагался в километре от батареи, находились женщины. Мы иногда к ним ходили, делились новостями, узнавали обстановку. Я ответил:

- Ты иди один. Мне-то зачем? Я не курю и курить не собираюсь.

- Пойдём. Выручишь меня. Расчёт такой – закуришь для виду, а затем затушишь сигарету и в карман спрячешь. Так раза три сделаешь, а у меня целых три папиросы!

И мы пошли. Пришли на территорию бывшего Кирпичного завода и видим, что народа раза в три больше, чем обычно, и все прибыли с Большой земли, хорошо выглядели, подтянутые, в новом обмундировании. Курильщики охотно делились табачком. Леонид от похода остался очень доволен. А я задумался – пополнение прибыло не зря, что-то должно в ближайшее время произойти. Когда? Где? Как? Мы терялись в догадках. Однако, не прошло и пары дней, как в районе огневой позиции батареи стали появляться начальники довольно высокого ранга, затем

Матвей Суховецкий и Лев Громов.
16 июня 1941 г.

приехала группа офицеров-разведчиков и установила на стойках в землянке панорамный рисунок местности, очень похожий на долину реки Ижоры в нашем районе. Это я понял потому, что обрывы на левом берегу Ижоры у нашей батареи были точно такими же, как и на рисунке. Целый день провели офицеры, сопоставляя реальную местность с изображением.

А на следующий день приехали генерал и несколько полковников. В это время на Кирпичном заводе сосредоточилось подразделение пехоты. Вскоре мы увидели, как по сигналу генерала началось «наступление». Как мы потом поняли, это была тренировка перед прорывом блокады. Пехота то бросалась в атаку, то залегала и, наконец, достигнув обрыва с криками «Ура» овладела им. Затем по приказу генерала всё началось сначала. После первого дня тренировки были второй, третий, десятый... Затем всё затихло. Я понял тогда, что тренировались пехотинцы не напрасно, они отработывали детали своего мастерства, учились по-снайперски бить врага и уничтожать его с первой атаки, с первого выстрела.

Бои, к которым готовились командиры и бойцы стрелковых и мотострелковых соединений в районе нашей батареи, вскоре начались юго-восточнее Колпино в районе посёлков Красный Бор, Саблино и Поповка. Первой «заговорила» артиллерийская железнодорожная батарея, расположенная в восьми-стах метрах от нас на левом берегу Ижоры. Скоро начала бить артиллерия, расположенная севернее и восточнее нас. А через несколько минут вся артиллерия в районе Рыбацкого, Усть-Ижоры, Понтонного, Колпино, Ям-Ижоры вела артиллерийскую подготовку, выпуская снаряд за снарядом по немецко-фашистским вышкам и укреплениям, расположенным в районе Красного Бора и Поповки. Над батареей группа за группой проходили наши штурмовики и бомбардировщики, держа курс туда же. Их прикрывали истребители. Все расчёты батареи находились у орудий и приборов в готовности вступить в бой с вражеской авиацией. Но она появилась не сразу. Прошло больше двенадцати часов с начала артподготовки, когда в воздухе появилась фашистские самолёты. Уже одно это свидетельствовало о том, что

удар войск Ленинградского фронта в районе Красного Бора был для немецко-фашистского командования неожиданным. Но всё-таки она появилась, причём, шла группами по 6-12 самолётов с нескольких направлений, в том числе, юго-восточнее, южнее и юго-западнее Колпино.

Батарее была поставлена задача уничтожить вражеские самолёты, идущие с юго-западного направления для нанесения удара по позициям артиллерии, расположенным в районе Усть-Ижоры, то есть как раз по артиллеристам, которых мы прикрывали с воздуха.

Я, естественно, сильно переживал, особенно в первый момент после доклада разведчика, что в направлении Колпино следуют восемь групп «юнкерсов» по шесть-двенадцать самолётов в группе на высоте сорок.

С одной стороны, меня волновало количество одновременно появившихся вражеских самолётов. Таких групп в нашем районе не было уже около года. С другой стороны, причём больше всего, я беспокоился о том, смогут ли выстоять мои новые бойцы, девушки из Подмосковья, в предстоящем бою. Для них это был по сути дела первый настоящий бой. Но на раздумья ни у кого времени не было. Все были во власти одной мысли. Одного стремления – открыть огонь тогда, когда гитлеровские пилоты выведут свои самолёты на боевой курс, то есть воплотить в жизнь наши планы по подготовке снайперской батареи.

Команды прозвучали, как всегда, властно и чётко. Вот и долгожданный доклад: «Есть цель!». Это означает, что девушки начали боевую работу неплохо, что головной фашистский стервятник, ведущий всю группу самолётов к позициям артиллеристов, находится под их контролем. Один за другим докладывают о готовности номера приборного отделения. Я высоко поднимаю флажок в правой руке, как только я его резко опущу, батарея откроет огонь с назначенным темпом. Я делаю это, одновременно подавая команду: «Огонь!». Звучит грохот первого залпа, стук накатывающихся стволов, лязг затворов, стремительное движение заряжающих

и новый залп. Огневики работают блестяще! А как прибористы? У них тоже всё в порядке. Наводчики внимательно сопровождают цель, ожидая появления разрыва наших снарядов в поле зрения. Самые напряжённые секунды ожидания. Попадём или не попадём? Сбросит враг бомбы или нет? Неужели мы опоздали с открытием огня? Сомнений немало. И всё же они растаяли. Звонки, радостные голоса Полины и Тамары, наших наводчиц, говорят сами за себя, а их доклад: «Цель накрыта!» вселяет в меня надежду, что вражеский самолёт повержен и вот-вот начнёт падать. Так оно и произошло. Но он не один. Их десять. И наши наводчицы знают что надо делать. Звучит приказ: «Перенести огонь на следующую цель, в это же мгновение доклад: «Есть цель!». И снова звучит: «Огонь!».

И в этот момент происходит то, чего я очень боялся. Я услышал доклад: «Цель сбросила бомбы!». Прибористы инстинктивно прижали головы. Но если наводчики перестанут сопровождать цель, испугавшись падающих бомб, то это будет означать срыв стрельбы всей батарее. Этого допустить нельзя. Я быстро выскакиваю на бруствер у приборного окопа и говорю: «Точнее сопровождайте цель. Эти бомбы не для нас». А бомбы уже рвутся в стороне Кирпичного завода, не долетев метров 500 до артиллерийской батареи. Мы продолжаем вести огонь по следующим группам самолётов. Разрывы наших снарядов накрывают их секунда за секундой. Самолёты разворачиваются и, не долетев до своей цели, сбрасывают бомбы в реку. В том бою фашисты потеряли 6 самолётов. Поле боя осталось за нами. Красный флажок в руке командира взвода многократно поднимался и опускался, и я понял всем сердцем, что этот маленький красный флажок был символом нашей победы, пусть в небольшом бою за Красный Бор и Колпино, но из таких побед складывалась победа в битве за Ленинград, складывалась наша победа с фашизмом. Сколько таких маленьких красных флажков командиров огневых взводов взмывалось вверх, отдавай приказ на уничтожение врага».

Я тоже очень хорошо помню тот январский бой

1943 года. Помню, как поймали в прицел первый самолёт. Как даже присела от страха в ожидании того, что сейчас на наши головы упадут бомбы от несбитого бомбардировщика. Но когда я услышала уверенный голос командира «Огонь!», стала слушать его команды, весь страх пропал. Это потом, после окончания боя, всё, что мы сдерживали в себе во время боя, бурными потоками выплеснулось наружу. Ребята начали шутить надо мной и Тamarой: «Ну, что? Небось, глаза зажмурили, фриц должно быть страшным оказался?».

- Я так испугалась, – кричала Тамара, – думала, что две громадных бомбы прямо на нас падают, руки прямо окостенели. А фриц-то был мордастый и смотрел в нашу сторону. Мне показалось, что он был с усами.

- Да не с усами, а с бородой, – отвечала ей я.

- А вы сходите на Кирпичный завод, разберитесь, – подшучивал над нами Родион, наводчик первого отделения.

Лев Александрович Громов тогда всех нас построил после окончания боя и поблагодарил за проявленные мужество и мастерство в ведении снайперской стрельбы по целям противника.

Дни на батарее пролетали очень быстро. Постоянная учёба, отражение вражеских авианалётов, короткие промежутки для сна и отдыха, какие-то бытовые дела. Лев Александрович записал в своём дневнике 12 сентября 1943 года: «*День проходит в стремительном беге, с одной стороны, кажется, что ты мало сделал, но с другой нет даже свободной минуты. В первые дни сентября занимались строительством, обустроивали позицию и землянку девушек-прибористок, хочу сделать её образцовой. Из ремонта привезли прибор, но шкала так и не работает как следует. Надо будет думать самим, что с этим делать?».*

В сентябре 1944 года Льву Александровичу дали долгожданный отпуск, и он на десять дней уехал к себе на родину в Кострому. Повидался с родителями, с эвакуированной из Ленинграда семьёй тёти Веры, вместе помянули умершую от голода зимой 1942 года тётю Марусю. А на обратной дороге он поехал ко мне

домой в Ромашково. Просто как командир, так как никаких личных отношений у нас ещё на тот момент не было и в помине. Об этой поездке он оставил совсем краткие строки в своём фронтовом дневнике: «*Был в Ромашково, у родных Полины – матери, сестры и снохи. Небольшое село под Москвой, на горе маленький, чистенький домик. Семья крестьянская, трудовая. Передал ей мамин подарок из дома и с радостью смотрел, как она радостно уплетает за обе щёки подарки наших мам: булку, помидоры, яички, морковку, всё, что уже третий год является большой редкостью для нас*». Каждый раз, когда вспоминаю его поездку к моим родным, думаю, что это он решил посмотреть из какой я семьи, прежде чем рассказать о своих чувствах ко мне.

В 1944 году Лев написал заявление о приёме в Коммунистическую партию. Собрание коммунистов батареи проходило в землянке первого оружейного расчёта, который состоял из героев-севастопольцев под командованием сержанта Тишкина. Землянка была немного просторнее других, а самое главное, она имела окно. На собрании обсуждалось два вопроса. Первый: «О мерах по повышению эффективности зенитного огня и недопущению ударов гитлеровской авиации по Ленинграду» и второй «Рассмотрение заявления комсомольца Громова о приёме в Партию».

Необходимость рассмотрения первого вопроса была вызвана тем, что гитлеровская авиация при нанесении ударов по Ленинграду стала применять новую тактику, смысл её был в том, чтобы прорваться к городу одиночными самолётами и сбросить бомбы на любые объекты. Для прорыва через линию противовоздушной обороны фашистская авиация применяла в основном два приёма. Первый заключался в том, чтобы на малой высоте, пользуясь хорошо заметными ориентирами, сбросить бомбы на любые объекты, расположенные, как правило, на окраинах Ленинграда. Второй приём, наоборот, предполагал высоту в 5-6 тысяч метров при наличии высокой облачности. Что затрудняло их выявление нашими орудиями. Такой вариант усложнял задачу защиты города с воздуха, так как позволял противнику

сбрасывать бомбы в самые густонаселённые центральные районы Ленинграда.

Тогда на собрании все обсудили важность применения дополнительных мер по недопущению прорыва фашистской авиации к границам Ленинграда. Разговор шёл преимущественно о том, как надёжнее организовать разведку о наиболее раннем выявлении самолётов противника. Речь зашла о применении новых радиолокационных систем. Ася Макарычева предложила, что надо сделать расчёты углов упреждения для обнаружения самолётов по звуку мотора. И её предложение было услышано и реализовано.

Далее перешли к вопросу по приёму в Партию Льва Громова. Он кратко рассказал свою биографию. Ответил на вопрос, почему переехал из Костромы в Ленинград. И только приступили к голосованию по его кандидатуре, как сигнал воздушной тревоги поднял всех наверх. Разведчики обнаружили в направлении восточнее Колпино вражеский самолёт на малой высоте. Медлить было нельзя. Мы заняли свои позиции. За несколько секунд цель была поймана в перекрестье объектива. «Есть цель! Огонь!», – повторил командир отделения Тишкин. Первый снаряд ушёл к цели. За ним второй, третий. Неужели промазали? Но нет. Вижу в прибор, как самолёт противника накрыло белым облаком. Мы попали ровно в его головную часть.

«Готов! Готов! Цель сбита!», – радостно закричали мы всей батареей. Не удалось фашисту проскочить на малой высоте к Неве и доставить смертоносный груз в Ленинград. Ещё одна наша маленькая победа одержана!

Все собираются у орудия и, уже не спускаясь в землянку, единогласно голосуют за приём в Партию Льва Громова.

Под артиллерийским огнём врага

На Ижорских берегах наша батарея стояла вплоть до январского наступления 1944 года. За это время мы потеряли всего лишь несколько солдат и сбили много вражеских самолётов, предотвратили сотни налётов авиации на город, не дав им возможность сбросить смертоносные бомбы.

Если в мае 1943 года к Ленинграду прорвалось 93 самолёта противника, сбросивших 174 фугасные бомбы, то уже в июне 1943 года это удалось сделать только 10 самолётам. А за июль-август к городу прорвалось лишь 14 самолётов врага. До самого 1944 года нам удалось не допустить в Ленинград ни одного самолёта противника. В то же время 1943-й был годом самых жестоких артиллерийских обстрелов. Наша батарея подвергалась более продолжительным обстрелам, чем в первые годы войны. Причём, удары она наносила непосредственно перед началом боевых налётов авиации на Ленинград, стремясь предотвратить и максимально затруднить нашу боевую работу. Перепадало нам также и за наших соседей – моряков-артиллеристов береговой обороны, которые стояли в районе Понтонного. Они часто вели огонь по боевым позициям врага, а те отвечали им массированными обстрелами. Стреляла вражеская артиллерия неточно, и в результате все перелёты по морьякам были наши, то есть попадали в район нашей батареи. В такие дни все, кроме разведчиков, находились в укрытиях в ожидании завершения артобстрела. После его окончания начинался осмотр позиций. Картина была удручающей. Воронка на воронке. Землянки и ходы сообщения завалены комьями земли.

В один из таких артобстрелов 8 ноября 1943 года мы оказались на волосок от смерти. После окончания артобстрела Громов приказал нам выйти из укрытий и приступить к восстановлению порядка на батарее, а именно закапывать воронки от снарядов. Мы вышли. Взяли в руки лопаты. Смеёмся, шутим. И вдруг, как гром среди ясного неба слышим знакомый, страшный, угрожающий свист вражеского снаряда. Падаем на землю. Закрываем головы руками. Ощущаем, что по

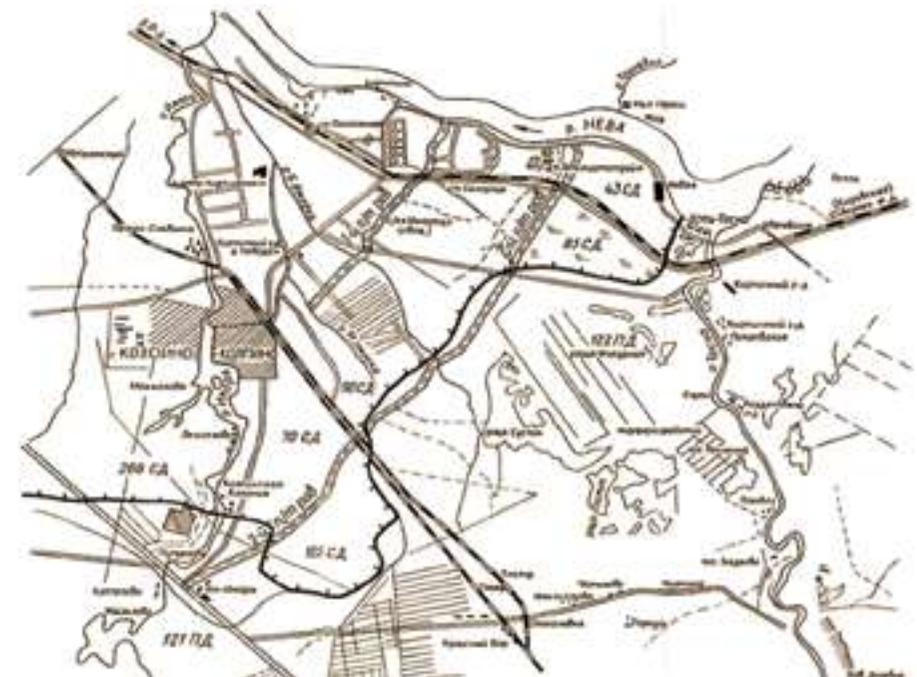
спинам хлопают какие-то тяжёлые комья, как мне тогда показалось, осколков снаряда, на самом деле – земли. И через несколько секунд – тишина. Лежим. Ждём нового взрыва. Но его нет. «В траншею! Ползём в траншею! Все живы?», – слышим голос командира. Отвечаем, что все живы и раненых нет. А снаряд буквально в полтора метра от меня вошёл в землю и очень долго не разрывался, а потом вдруг вверх стали взлетать комья земли, засыпая нас ими. Должно быть, он взорвался глубоко в земле, что и спасло всех нас от неминуемых ранений или даже смерти. Так как осколки снаряда остались под землёй, нас засыпало только её комьями.

– Хорошую физзарядку вам фашист сегодня устроил: и землю покопали, и побегали, и попрыгали, и по-пластунски поползали, – стал шутить старшина Нестойко, чтобы разрядить напряжённую атмосферу. Шутки шутками, но все мы прекрасно понимали, что опасность, которой все подверглись, была самой что ни на есть настоящей.

Прямые попадания снарядов в окопы и землянки случались очень редко, но всё-таки и они были. В том же ноябре 1943 года мы понесли тяжёлую утрату. От прямого попадания вражеского снаряда в зенитную пулемётную установку погиб на посту пулемётчик Кашин. Обстановка была такой, что во время артиллерийского обстрела батареи самолёты врага наносили штурмовые удары по нашим высотам, и батарея вела с ними огонь. Все боевые расчёты находились вне укрытий и подвергались повышенной опасности поражения осколками снарядов, разрывавшихся в непосредственной близости у батареи. Один из осколков попал в Кашина. Он погиб на месте мгновенно.

Уже в декабре произошёл ещё один памятный случай. Во время очередного артиллерийского обстрела вражеский снаряд попал в землянку третьего орудийного расчёта, которым командовал сержант Орлов. Дело было ночью, налётов авиации не предвиделось, и весь личный состав орудия спал. В это время враг открыл артиллерийский огонь. Два

снаряда упали практически у третьего орудия, зацепив землянку. Мы бросились к ней. Увидели, как кого-то из бойцов выносят из неё на руках. В это время грохнуло ещё два взрыва. Все залегли на землю в ожидании продолжения артобстрела, но наступила тишина, снаряды полетели в сторону Кирпичного завода. На счастье, снаряд попал в передний край землянки, в котором в это время никого не находилось. Легко ранен был только сам сержант Орлов, которому в ногу попал осколок. При этом, одеяло, которым он был укрыт, буквально изрешетило осколками. Больше никто не пострадал. Мы перевязали Орлову ногу и отправили в медсанбат. А через месяц он снова командовал своим расчётом.

Линия фронта в мае 1942 г.

Дисциплина и потери

Гибель каждого бойца батареи, независимо от его возраста, должности и звания была для всех тяжёлым, незабываемым событием. Каждая смерть несла за собой не только скорбь, не только глубокое соболезнование о безвременной кончине близкого человека в расцвете сил, сделавшего всё для приближения победы над врагом, она несла твёрдое убеждение каждого сделать всё, чтобы не допустить в будущем потери личного состава. Наши командиры расчётов и командир батареи Л.А.Громов делали всё возможное, чтобы без особой нужды для выполнения боевой задачи мы не рисковали жизнью. Во время ежедневных занятий и подготовки к ведению боя нас обучали навыкам самозащиты, коллективным мерам взаимопомощи и взаимной выручки, мерам спасения и оказания первой медицинской помощи в бою своим товарищам. Стремление не допустить гибели бойцов проявлялось и в создании прочных, надёжных инженерных сооружений на позициях. Работы по их восстановлению после артобстрелов велись только в ночное время. Ходить по батарее разрешалось исключительно в касках. И конечно, первым условием в этом списке стояла воинская дисциплина каждого бойца. Приказы старших по званию не обсуждались и неукоснительно выполнялись. Даже в туалет можно было ходить только с разрешения командира расчёта. Называлось это «Отойти по курсу».

Но несмотря на все принимаемые меры, война – есть война, и люди гибли. Опасность подстерегала на каждом шагу. Вот как об этом вспоминал сам Лев Александрович, когда был ещё командиром отделения на батарее: *«Первую потерю мы понесли в 1941 году именно из-за несоблюдения воинской дисциплины одного из бойцов. Во время артобстрела батареи командир отделения разведчиков сержант Игнатъев, оставив для наблюдения на позиции дежурного разведчика, дал приказ всему отделению укрыться на время обстрела в специально оборудованной узкой щели. Однако один из красноармейцев рядовой Остапенко в эту щель не пошёл, а остался в наскоро*

оборудованной землянке, которая не могла выдержать прямого попадания снаряда даже небольшого калибра, мотивируя тем, что землянка находится рядом со щелью и попадание в неё – такая же маленькая вероятность, как и в саму щель. Но он был не прав. Буквально через несколько минут вражеский снаряд попал точно в землянку, пробил перекрытие, провалился внутрь и там взорвался. Остапенко не был ранен осколком, но его привалило брёвнами. Я был рядом с землянкой, и мы вместе с дежурным разведчиком вытащили его из-под обломков. Он тяжело стонал, проклинал фашистов, просил прощения у командира, что не выполнил приказ. Позже мы узнали, что он умер в госпитале через несколько часов после того, как его туда доставили. Этот случай послужил горьким уроком для всего личного состава батареи».

Конечно, и потом были случаи гибели наших товарищей, я рассказывала об этом в первой части своих воспоминаний, но по большей части они случались не по причине нарушения воинской дисциплины, которую у нас на батарее установил Лев Александрович Громов.

Ежедневная работа с личным составом дала свои результаты. Если в 1941-1942 годах на батарее из-за невыполнения приказов и нарушения воинской дисциплины погибло четыре человека, то в 1943-1944 годах в условиях ужесточившихся артобстрелов, авианалётов таких потерь не было. Каждый из нас твёрдо усвоил слова командира, что подготовленный к бою дисциплинированный красноармеец и сам не умрёт, и товарищу не позволит. Недисциплинированность даже в мелочах может привести к срыву выполнения боевой задачи и к неоправданным потерям всего личного состава батареи.

Подготовка к наступлению

В январе 1944 года все жили в ожидании наступления. Для нашей батареи предстоящие активные боевые действия по освобождению Ленинграда от фашистской блокады не стали новостью. К нему готовились все рода войск. Все понимали, что со дня на день блокада будет снята. Вот как описывал эти дни сам Лев Александрович: «Для меня подготовка к наступлению началась с того, что в конце 1943 года я был направлен на учёбу в Ленинград. На северо-восточной окраине Ленинграда в районе Ржевки располагался военный городок 351-го зенитно-артиллерийского полка, где мы прошли месячные курсы подготовки командиров зенитных батарей. Там с нами проводили занятия по теории и практике ведения боя, укреплялись управленческие навыки, физическая и политическая подготовка. Не раз я вспоминал ставших мне родными боевых товарищей на своей батарее. И тем более, было радостным моё возвращение, когда я увидел всех живыми и здоровыми.

Знания, которые я получил во время учёбы, пригодились мне в дальнейшей работе с личным составом батареи. Я и раньше знал, но после обучения ещё больше утвердил своё мнение в том, что поддержание морально-боевого духа бойцов имеет едва ли не первое место среди задач, поставленных перед командиром. Создавать и поддерживать его на высоком уровне – наипервейшая задача руководителя любого уровня. Например, если что-то сделано бойцом лично, внесено какое-то дельное предложение, и оно реализовано, а также, если он смог проявить свои способности в пении, танце, игре на баяне или балалайке, – всё это резко поднимает моральный дух бойца, создаёт радостное, бодрое настроение. С такими бойцами все задачи решаются легко, такой боец идёт к победе семимильными шагами.

Творчество и инициатива на нашей батарее активно проявлялись на всех этапах войны. Взять, к примеру, вопрос маскировки орудий и приборов, а также оборудование ложных позиций. Важны были и технология, и материал маскировки. И наши

умельцы нашли выход из положения. Они сделали откидные проволочные карманы на специальных опорах в качестве рычагов. На приведение орудия в готовность требовалось несколько секунд. В разработке предложения участвовал весь расчёт. Предложение было одобрено, и вскоре все орудия батареи были замаскированы именно так. Интересно был решён вопрос по созданию ложных позиций. Самая главная задача состояла в том, чтобы орудия не стояли неподвижно. Сначала мы направляли туда бойцов для их перетаскивания с места на место. Но это было очень трудоёмко. Тогда за дело взялись самые изобретательные ребята. И они придумали, как это можно делать дистанционно, даже с имитацией стрельбы.

В том же 1943 году на батарее была создана самодеятельность. И она тоже имела очень важное значение – поднимала боевой дух солдат и офицеров, придавала новые силы для борьбы с врагом. Концерты проводили регулярно, а иногда и спонтанно, когда в минуты затишья начинали петь песни под гитару, гармонь или баян, которые вскоре появились в землянках расчётов. Случались и сольные выступления. Особенной популярностью пользовались частушки. Если до 1943 года их чаще исполняли мужчины, то с прибытием девушек-москвичек бесспорным лидером стала Ольга Куликова или Лёля, как её все называли. А вот в танцах несомненным лидером была Полина Аристархова. Она легко и незаурядно исполняла все танцы – от народных и лезгинки до па из классического балета. А стихи лучше всех читала Ася Макарычева. Все слушали её на одном дыхании. Так наши бойцы одновременно с освоением военной школы не забывали и о прекрасном.

А обучаться приходилось многому, порой что называется, «с колёс». К концу 1943 года на батарею поступила новая техника, в том числе, радиолокационные станции, способные обнаружить цель в воздухе, когда оптика бессильна, например, при сильном тумане или ночью. Времени на раскачку не было. Осваивали новые приборы и орудия день и ночь. Первые же тренировки показали, что времени, тем не

менее, на освоение новшеств потребуется много. Но и улучшение качества прибора оценили тоже сразу. Плюсом нового прибора было и то, что предыдущий вариант нельзя было спрятать под землёй. А вот ПУАЗО-3 можно было легко установить в укрытии, оставив снаружи лишь оптические визиры. Меньше чем через неделю новые приборы были освоены полностью. А старые ПУАЗО-2, которые с честью служили нам два с половиной года, мы тщательно смазали, уложили в ящики и отправили в Ленинград. Они были отличными для своего времени и сослужили добрую службу. Но в наступление необходимо было идти с новой техникой.

Вскоре поступила задача – не снижая боевой готовности батареи, начать подготовку к её быстрой передислокации. Двадцать восемь месяцев мы жили одной мыслью, одной задачей – не пропустить врага в Ленинград. И вот – новая задача.

Начали восстанавливать навыки перевода орудий из боевого положения в походное. Неделя тренировки, и к новому 1944 году мы пришли полностью подготовленными, как для ведения огня, так и для осуществления марш-броска на новые позиции. Все понимали – тяжёлая оборона закончилась, впереди – наступление!

Незадолго до наступления произошло одно очень знаменательное событие. Личному составу батареи были вручены медали «За оборону Ленинграда». В числе награждённых был и я».

Нам, девушкам, Насте Макарычевой, Лёле Куликовой и мне, Полине Аристарховой было очень почётно и радостно принимать награды Родины за вклад в Победу над фашизмом. Лёля правда тогда сказала: «Вот бы после награждения нас бы всех из Красной Армии уволили и отпустили по домам». Но все прекрасно понимали, что путь к Победе ещё не близок, и повоювать с фашистами придётся. Но вера, в то что мы победим, была у всех непоколебимой!

Блокада снята!

Фронт откатывался на запад, а вместе с ним и наша батарея стала менять свои позиции. Из дневника Л.А.Громовой: «Наконец-то настал долгожданный день, долгожданный час! 15 января по-настоящему «заговорила» артиллерия Ленинградского фронта, намного сильнее, чем это было в январе 1943 года. Услышав гул артиллерии, разведчик вызвал меня из землянки, указал в сторону Пулковских высот и сказал: - Должно быть началось!

Через несколько минут вся батарея слушала музыку артподготовки. Она звучала по всему фронту, то нарастала, то ослабевала, но не прекращалась ни на минуту. В общем хоре голосов артиллерии различных калибров трудно было различить гул солистов. Но всё же до моего слуха доносились через ровные промежутки времени голоса, близкие к басам, – это была артиллерия главного калибра кораблей Балтики. Артиллерийская симфония длилась около двух часов. Следом за ней пошла наша авиация. Сначала, прижимаясь к земле, штурмовики, за ними средние бомбардировщики и прикрывающие их истребители. Через некоторое время группы нашей авиации уже возвращались на базы. Мы все не отходили от орудий. Было понятно, что ответные действия противника не замедлят себя ждать. В хвост нашим самолётам могли пристроиться фрицы. Но на этот раз вражеской авиации мы практически не наблюдали. В полосе нашего наблюдения не появился ни один самолёт. Это означало, что началось наступление наших танков и пехоты. И действительно, наши зенитки переключились на огонь прикрытия наступающих войск фронта.

Уже к вечеру я получил приказ готовить батарею к марш-броску. Работали чётко, слажено и быстро. Никаких поломок, никаких задержек. Своего транспорта на батарее у нас тогда не было. В ожидании автомашин из Ленинграда я собрал весь личный состав батареи, чтобы ещё раз проговорить о предстоящих задачах. Собрались в нашей Ленинской землянке, которую построили специально для конкурса художественной самодеятельности. В землянке было темно, но в

тусклом свете копилки я видел, как горели огнём глаза всех без исключения бойцов, как радовались они наступлению, как хотели сделать всё возможное для скорейшего разгрома врага. Я не сомневался в способностях каждого из них и был твёрдо уверен, что батарея выполнит поставленные задачи. На собрание прибыл представитель штаба бригады с боевым приказом: «Занять новые позиции в районе города Пушкина».

Началось формирование колонны. Времени на это ушло совсем немного, так как орудия заранее были готовы к транспортировке, а вещи личного состава собраны и тщательно укомплектованы. Покидали ставшую нам родной за долгие 900 дней обороны Ленинграда позицию с каким-то смешанным чувством. Она действительно стала нам дорогой и близкой. Сколько в неё было вложено труда, крови и пота, сколько она выдержала испытаний. Она помогла нам не пропустить врага к стенам Ленинграда, помогла выжить, выстоять и начать наступление.

Прозвучала команда «Моторы! Вперёд!», и колонна двинулась в ночь на запад».

Марш-бросок длился всю ночь. Под утро, с рассветом мы уже ехали по улицам Пушкина и остановились у Александровского дворца. Вместе с нами меняли место дислокации и артиллеристы. Техники было настолько много, что даже пришлось ждать некоторое время, когда мы снова смогли начать движение. Сердце обливалось кровью, видя, во что превратили фашисты некогда величественные дворцы этого прекрасного пригорода Ленинграда, где учился в Лицее Александр Сергеевич Пушкин. Всё стояло в руинах. И гордость не только России, но и всего мира Екатерининский дворец тоже был практически полностью разрушен. Уже тогда мы понимали, как много предстоит восстанавливать из пепла после войны. Но то, что это будет сделано, не сомневался никто. Лев Александрович Громов, пользуясь случаем, пока мы стояли у Александровского дворца, рассказал нам об истории города Пушкина, про то, какими были до войны Царскосельский Лицей и Екатерининский дворец, как он любил туда ходить на

экскурсии и знал каждый зал музея. Уже после войны, когда стали мужем и женой, мы часто ездили сюда на экскурсию и каждый раз вспоминали то холодное январское утро 1944 года.

Через некоторое время мы продолжили путь к новому месту дислокации батареи. И тут неожиданно перед нами возникло препятствие. Новое место расположения батареи находилось на окраине Пушкина за глубоким оврагом. Дорог не было, а машины с зенитками проехать через него, конечно, не могли. Перетаскивать через овраг орудия вручную – был единственный вариант. Но на пути возвышался огромный бугор, который тормозил всю работу. Его можно было взорвать, но на ожидание сапёров ушло бы драгоценное время. И тогда Громов предложил расстрелять его из зениток прямой наводкой. Первый же залп показал хорошие результаты. Комья земли разлетелись в разные стороны, практически срезав бугор. Потребовались ещё два выстрела, и дорога через овраг была готова. Одно за другим мы перетаскивали орудия через овраг и заняли новую огневую позицию. Место для нас было выбрано не случайно. Совсем рядом с нашей батареей располагался аэродром, который мы отбили при наступлении. Фашисты о нём прекрасно знали и предпринимали попытки бомбить его с воздуха. Наша задача состояла в том, чтобы прикрывать авиацию с воздуха и не пропускать в зону аэродрома самолёты противника.

Расположились мы в немецких землянках, которые даже не успели остыть после спешного ухода из них прежних владельцев. В них были установлены кровати с постельным бельём, подушками и одеялами. Мы с девчонками обрадовались, разделись и легли в кровати, приговаривая, что спим как дома впервые за долгое время. Но не успели мы закрыть глаза, как прозвучал сигнал тревоги. Мы спросонья кое-как оделись, перепутав одежду и обувь. Мне достались сапоги Насти Макарычевой маленького размера, кто-то не успел застегнуть шинели. В таком виде все встали в строй и... получили наряды вне очереди за нарушение военной дисциплины. Спать раздетыми на кроватях как-то перехотелось.

В Гатчине

Через несколько дней мы узнали, что освободили Гатчину. Наша батарея в составе дивизиона спешно снялась с ещё необжитых позиций, и мы вновь двинулись маршем к Гатчине. Следы недавних военных действий виднелись повсюду. Взорванная техника, руины зданий, воронки и траншеи буквально пронизывали всю территорию на много километров. Хотя Гатчина была разрушена меньше, чем Пушкин, но и она очень сильно пострадала.

Новая позиция была не очень удобной. Орудия пришлось установить на ровной площадке на окраине деревни. Вскоре рядом с нами появились зенитные батареи, призванные из восточных районов Ленинградской области, на Гатчинский аэродром прибыла наша бомбардировочная авиация. Мы всё дальше и дальше отгоняли фашистов от стен Ленинграда.

И вот наступил долгожданный день нашей Ленинградской Победы! 27 января 1944 года в День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады мы вместе со всеми ликовали и не сдерживали слёз радости.

Советские военнослужащие устанавливают красный флаг на арке Лицея в освобождённом Пушкине

В Гатчине наша батарея стояла до лета 1944 года. Зимние морозы сменились оттепелью, пришла весна. Вместе с природой оживала и пострадавшая Гатчинская земля. В город постепенно возвращались эвакуированные жители и те, кто ушёл в партизанские отряды. Начались восстановительные работы. Наладилось железнодорожное сообщение с Ленинградом. В городе возобновили работу кинотеатр, несколько клубов, а в магазинах постепенно начала налаживаться торговля.

Ожесточённых боёв в те дни не велось. И немецкая авиация, и артиллерия были вымотаны после нашего наступления. Но и позиционной обороной состояние дел на фронте было назвать нельзя. Все понимали, что скоро, вероятнее всего, весной или в начале лета мы пойдём в наступление дальше на запад. Самым сложным в те дни было противостояние, которое мы вели с вражескими самолётами-разведчиками. Вот как описывает наш последний бой на Гатчинском рубеже с самолётом-разведчиком и подготовку к нему в своём дневнике Лев Александрович: «Для того, чтобы сбить высотного разведчика, нужны слаженные и быстрые действия всего дивизиона, а иногда и соседних дивизионов. Сила самолёта-разведчика – в большой высоте и скорости, а также в больших возможностях для манёвра. Сбить его возможно, но для этого нужен сосредоточенный огонь нескольких батарей. И открыть его нужно так, чтобы воздушный враг, даже маневрируя, попадал под разрывы снарядов хотя бы одной батареи.

Фашистские самолёты, как правило, вели разведку по маршруту Нарва – Гатчина – Луга – Псков. Зенитные батареи Гатчины обычно открывали огонь по мере того, как он входил в их зону ответственности, то есть последовательно. Противник, ведя наблюдение за работами расположения батарей, видел вспышки выстрелов орудий, умело маневрируя и уходя из-под зоны обстрела.

Я часто задумывался над тем, как мы должны действовать, чтобы сбить этого разведчика, и пришёл к

выводу, что надо открывать внезапный, одновременный огонь с нескольких направлений, предварительно дав ему возможность втянуться в зоны огня 4-6 батарей, создав таким образом в небе «огневой мешок». Своими мыслями я поделился со своим соседом и другом, командиром 19-й батареи Георгием Ожгихиным. Он поддержал меня. Было решено связаться с соседними батареями и разработать план совместных действий.

Прошло несколько дней, командиры батарей собрались в штабе дивизиона. Все внимательно изучили маршрут, по которому обычно летали разведывательные самолёты, проанализировали свои возможности и разработали схему открытия по цели огня одновременно несколькими батареями с разных сторон.

Уже на следующий день мы приступили к тренировочным стрельбам. Они показали хороший результат. Получалось, что при своевременном обнаружении противника каждая батарея может сделать в первые же 10-20 секунд от двух до четырёх залпов, а это означало, что все вместе мы сможем сделать от 32 до 96 залпов, что существенно увеличивало эффективность огня. В этом и была сила нашего замысла. Ещё одним условием достижения

Гатчинский дворец. 26 января 1944 г.

результата было одновременное обнаружение самолёта противника с использованием всех имеющихся средств поиска. Между батареями была налажена кольцевая связь. Как только одна батарея обнаруживала цель, информация по цепочке немедленно передавалась соседям.

И вот наступил час боя. В тот весенний майский день 1944 года стояла хорошая, ясная погода, мы ожидали появления самолёта-разведчика. Было время обеда, но расчёты не уходили с боевых постов и ели прямо у расчётов и приборов, так как знали, что излюбленное время прохождения самолётов-разведчиков именно полуденное.

О пересечении линии фронта «Юнкерсом-88» нам сообщили из штаба дивизиона, одновременно поступила задача сосредоточить огонь по варианту, отработанному нами заранее. Все заняли боевые посты, началось ведение наблюдения, внимательно слушаем соседей. Все были уверены, что первым увидит разведчика самая западная батарея. Так и случилось. В трубке прозвучало:

- Есть цель! Азимут – 270, дальность – 200, высота – 70.

Это означало, что цель обнаружена в 20 км от 17-й батареи на высоте 7 км. Мы мгновенно трансформировали данные для своей батареи и начали поиск цели в этом квадрате. Наша задача – открыть огонь первыми, на встречном курсе, как говорится «в лоб» противнику.

- Есть цель! – докладывает Родин.

По трубке слышу доклады командиров соседних батарей. Они тоже засекли самолёт противника. Эхом прокатились доклады о готовности открыть огонь. Боевая готовность – пять секунд.

- Огонь! – команду я. И слышу эту же команду на других батареях дивизиона.

Мы сделали первые четыре залпа. По четыре залпа произвели все соседи. И вот финал боя: слышу доклад Фёдора Буравлёва:

- Цель поражена! Самолёт падает!

И действительно, из плотного облака разрывов зенитных снарядов, которые накрыли цель, медленно вываливалась тёмная двухмоторная громадина и, вращаясь, устремилась куда-то вниз, в землю.

- Молодцы!, – объявил всем командир дивизиона. Задача выполнена образцово. Объявляю благодарность всем личным составам батарей.

Так закончилась наша борьба с немецко-фашистскими захватчиками в небе Ленинграда. Это был последний вражеский самолёт, который засекли над Гатчиной.

Наши успешные действия в боях против немецко-фашистской авиации в 1944 году были отмечены правительственными наградами. Орденами и медалями были награждены: командир дивизиона, командиры батарей, отличившиеся бойцы личного состава. Мне был вручён орден Красной Звезды, мой первый боевой орден».

Советские военные в уличном бою за освобождение Гатчины

Весна Ленинградской Победы

Весной 1944 года я захотела съездить в Ленинград сфотографироваться на память. В компанию взяла ленинградку Тамару Сергееву. Пошли мы с ней отпрашиваться у Громова. Он сказал, что не возражает, когда появится возможность, сам отвезёт нас. Прошло несколько дней, и он сообщил нам с Тamarой, что едем завтра.

Эту незабываемую поездку, во время которой Лев Александрович сделал мне предложение руки и сердца, я уже описывала в своей первой книге. Новость эта стала для меня неожиданностью. Мы были знакомы больше года, и между нами не было даже намёка на романтические отношения. Я задавалась вопросом, почему я? Уже позже, когда я прочитала дневник Льва Александровича Громова, отрывки из которого публикуются в этой книге, со слезами на глазах прочитала и строки, которые он написал тогда про нас и нашу весну. Они пронизаны такой нежностью, которая потом сопровождала меня всю жизнь.

«В те яркие солнечные дни, когда распускались первые подснежники, благоухали в перелесках своим нежным ароматом ландыши и покрывалась белосиреневыми гроздьями цветов изумрудная зелень гатчинских садов и парков, ко мне тоже пришла весна, весна моей жизни – любовь. Пришла она в ту победную ленинградскую весну, когда мы отогнали фашистскую нечисть от стен Ленинграда.

Мы полюбили друг друга в период тяжёлых испытаний для нашей Родины и лично для нас. Любовь пришла к нам не сразу. Мы знали друг друга больше года, зорко охраняя ленинградское небо, не раз смотрели смерти в глаза и были хорошими друзьями.

В ту весну на каждого из нас внезапно свалились болезни. Я узнал, что у Полины, моей любимой наводчицы и плясуньи, – очень высокая температура. Наш уважаемый доктор Маша Семёнова принимала к лечению все меры, а я большую часть времени дежурил возле больной, переживая за состояние её здоровья. К моей радости всё закончилось благополучно. Но через

несколько дней заболел я. Тоже высокая температура и тоже постельный режим с длительным выздоровлением. На этот раз за мной ухаживала Полина. И после этих болезней мне совершенно отчётливо и ясно стало понятно, что я не могу без неё, что мы должны быть вместе всю жизнь, и это – любовь. Любовь, скреплённая боями, любовь первой для нас свободной от блокады весны, любовь, как в настоящем, так и устремлённая в будущее».

Как я уже писала, времени на раздумья я попросила два месяца, но уже через несколько недель Льва Александровича перевели на повышение в Ленинград в Штаб помощником начальника оперативно-разведывательного отделения Управления командующего артиллерией Ленинградской армии ПВО, а я осталась служить на батарее.

Свою новую службу Лев Александрович описывал так: «Службу в новой должности я начал в период, когда войска Ленинградского фронта завершали подготовку к операции по разгрому соединений и частей союзника Германии – Финляндии на Карельском перешейке. В этой операции принимали участие истребительная авиация и зенитная артиллерия противовоздушной обороны Ленинграда. Они не только осуществляли борьбу с вражеской авиацией, но и привлекались к артиллерийской и авиационной подготовке. У нас не было в тот период более важной задачи, чем подготовка выделенных для участия в боевых действиях зенитных артиллерийских дивизионов.

В результате наступления Советской армии на Карельском перешейке и в Карелии в июне 1944 года войска Финляндии были отброшены за Выборг. Части ПВО Ленинградского фронта сбили в боях за Карелию 110 вражеских самолётов, а зенитчики, кроме того, уничтожили свыше 40 артиллерийских батарей и много живой силы противника. Всего же за годы Великой Отечественной войны в небе над Ленинградом силами авиации и зенитной артиллерии было сбито 154 фашистских самолёта.

Следующей задачей Штаба артиллерии стала разработка системы противовоздушной обороны

на Ленинградском фронте от возможных налётов вражеской авиации и созданного в фашистской Германии нового оружия воздушного нападения – установок ФАУ-1.

Определив возможный район расположения пусковых установок ФАУ-1, мы рассчитали границы сектора, в пределах которого будут проходить маршруты прохождения самолётов-снарядов. Оказалось, что большая часть маршрутов проходила над сушей и лишь часть – над Финским заливом. Это облегчало построение обороны.

Было принято решение о построении трёхэшелонной системы обороны против ФАУ-1. В первом эшелоне должна была действовать истребительная авиация, во втором – зенитная артиллерия, в третьем – уплотнённое аэростатное заграждение.

Линия обороны артиллерии была развёрнута, в основном, в районе Ропшинских высот и Красного Села. На острове Котлин располагалась зенитная артиллерия Балтийского флота.

После того, как были определены структура обороны и границы зон ответственности каждого рода войск, нам предстояло выбрать на местности огневые позиции, места командных пунктов, построить систему огня. Ежедневно, до рассвета, мы выезжали в намеченные районы и проводили рекогносцировочные работы до темноты. Позиций нужно было выбрать много, так как предполагалось развернуть для борьбы с ФАУ-1 три полка зенитной артиллерии малого калибра, а это – шестьдесят батарей!

Вскоре артиллерийские полки были развёрнуты на новых боевых позициях и начали борьбу с фашистскими захватчиками совместно с другими родами войск. Угроза ударов по Ленинграду была ликвидирована».

Победа!

Войска Ленинградского фронта продвигались с боями на запад. В эти дни произошли события, которые изменили наши с Львом Александровичем судьбы – мы стали мужем и женой. Об этих событиях я подробно рассказала в первой книге «Наша память». Вскоре после свадьбы я демобилизовалась из Красной Армии, а Лев Александрович продолжил службу в Штабе артиллерии.

Для выполнения задач Штаба Льва Александровича сначала направили в Петрозаводск, а затем в Волхов. Но он рвался на Западный фронт. Начальник Штаба дал ему разрешение на назначение командиром отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона в городе Познань в Польше. Но буквально перед отправкой эшелона он был вновь вызван в Штаб, где ему было приказано прибыть в Москву для зачисления кандидатом в Артиллерийскую академию. Однако, в приёме ему было отказано, так как он не окончил военное училище. Расстроенный Лев вернулся в Ленинград и продолжил службу в Штабе. День Победы он встретил на боевом дежурстве, на Командном пункте ПВО Ленинграда. А 19 мая 1945 года родился наш первенец Сергей.

Семья. Полина и Лев Громовы. 1945 г.

Послевоенные годы

Я уже писала в первой части книги, что жили мы в это время в коммунальной квартире на улице Пестеля, в комнате тётушки Льва Александровича Марии Максимовны Львовой. К великому сожалению, она не пережила первую блокадную зиму и умерла в феврале 1942 года.

Наступили первые месяцы мирной весны, а с ними пришли и новые хлопоты. Надо было срочно отремонтировать комнату, так после обстрелов в ней не сохранилось ни одного целого окна, штукатурка на потолке вся обсыпалась, а печь пришла в негодность. Своими силами мы заново оштукатурили потолок, а потом Лев Александрович нашёл печника, и мы выложили новую печь с плитой. Стало не только тепло, но и появилось место, где можно было готовить еду.

В июне Ленинград встречал победителей – войска Ленинградского фронта, которые от стен Северной столицы гнали фашистов на запад и завершили их разгром на Курляндском полуострове. Войска походными колоннами, с артиллерией и повозками входили в город по нескольким маршрутам. И на каждом из них их со слезами радости восторженно встречали тысячи ленинградцев. Мы с Львом Александровичем встречали победителей у арки Победы на проспекте Стачек. Ленинградцы радовались, плакали, обнимали бойцов, устраивали им оваации, целовали, преподносили цветы и угощения. Радости не было границ. И вдруг, я вижу, что Лев бросается к какому-то солдату, обнимает его, целует, и они уже вместе подходят ко мне. Оказывается, Лев встретил своего школьного товарища из Костромы Николая Колесова. Они стали расспрашивать друг друга о том, где и кем служили в годы войны. Николай рассказал, что прошёл боевой путь от полуострова Ханко до Курляндии. Награждён тремя орденами Славы и многочисленными медалями. Впоследствии он стал редактором газеты «Известия».

Задумался о возвращении к гражданской жизни и Лев Александрович. В конце июня 1945 года он подал рапорт об увольнении в запас. Тогда этот вопрос решали специальные аттестационные комиссии. Он очень

волновался, когда его туда вызвали. Вот, как описывает состоявшийся разговор сам Лев Александрович: «Я был приглашён на одно из заседаний комиссии. Вопросов мне не задавали. Очевидно, членам комиссии было всё понятно и в оценке моих качеств, и в моём дальнейшем предназначении. Об этом мне и сообщили, что у членов комиссии сложилось единодушное мнение о том, что мне необходимо продолжить службу в рядах Вооружённых Сил. Я возразил, что не могу этого сделать, так как не имею среднего профессионального образования. Мне объяснили, что этот пробел можно восполнить, пройдя десятимесячные курсы в Высшей офицерской школе. Так решилась моя дальнейшая судьба – я стал кадровым военным и был назначен на должность помощника начальника оперативного отдела Штаба Ленинградского района ПВО».

Мы по-прежнему жили в Ленинграде, я занималась воспитанием Серёжи, а Лев Александрович после завершения десятимесячных курсов в Высшей командной артиллерийской школе экстерном сдал все экзамены за полный курс Житомирского училища зенитной артиллерии и летом 1949 года стал готовиться к поступлению в Артиллерийскую академию. Но случилось непредвиденное, и мечта получить высшее военное образование была отложена на неопределённое время.

Серёжа, Лев Александрович, Александра Максимовна и Александр Иванович Громовы. Кострома. 1949 г.

Между жизнью и смертью

16 сентября 1950 года начинался как рядовой день военной службы. В тире на окраине Ленинграда проводились учебно-тренировочные стрельбы из мелкокалиберного оружия. На огневой рубеж одновременно выходило по пять стрелков, каждый из которых производил по десять выстрелов. О том, что произошло дальше, Лев Александрович напишет в своём дневнике: «Я сделал семь выстрелов, приготовился производить восьмой. Поднимаю пистолет, прицеливаюсь и собираюсь нажать на спусковой крючок. И в это время одновременно с чьим-то чужим выстрелом чувствую сильный удар в правую ногу. Я опускаю вниз свой пистолет, ставлю его на предохранитель, поворачиваю голову влево и вижу, что из ствола нагана моего соседа слева идёт дымок, а сам наган повернут в мою сторону. Сосед произвёл случайный выстрел, и пуля угодила в меня. В мою сторону бросается товарищ, чтобы оказать помощь, я снимаю с правой ноги ботинок, но никакого ранения там не вижу. Тогда я обращаю внимание на отверстие от пули в моём кителе в левой части живота. И только тогда заметил, что идёт кровь. Да! Пуля попала в живот. Остальное помню сквозь туман. Меня несут на носилках в санитарную часть, уже через два часа я нахожусь в Ленинградском окружном госпитале на операционном столе. Около пяти часов длилось это противостояние жизни и смерти, ровно столько шла операция. Оказалось, что пуля продырявила меня почти насквозь, сделала семь дырок в моём кишечнике и застряла в сантиметре от головки бедра правой ноги. Вот почему я почувствовал именно удар в ногу, а не в живот. Операцию делали под местным наркозом, и всё это время я был в сознании, отключился только тогда, когда меня привезли в палату. Когда через некоторое время я пришёл в сознание, увидел, что возле моей кровати сидит жена».

Я узнала, что Лев ранен и незамедлительно направилась в госпиталь. Потянулись тревожные часы ожидания. Почти месяц я практически не выходила из госпиталя. Мне даже поставили рядом

со Львом дополнительную кровать. Выздоровление шло очень тяжело. Рана не хотела затягиваться, началось воспаление, температура не опускалась. Но всё закончилось благополучно. Однажды, во время утреннего обхода наш лечащий врач зашла в палату со стаканом водки и велела выпить его залпом. Лев Александрович никогда не употреблял ни капли спиртного, поэтому попытался отказаться. Но врач сказала, что это необходимо для выздоровления. Выпив полный стакан, Лев моментально заснул, а когда проснулся — и температуру и воспаление как рукой сняло.

Именно в эти дни я узнала, что беременна. Сообщила об этом Льву, и он ответил: «Пусть живёт во имя жизни!». Так 20 мая 1951 года у нас появился второй сын — Александр.

Александра Максимовна с внуком Александром.
1951 г.

Стражи мирного неба

В 1953 году Лев Александрович, наконец, реализовал свою давнюю мечту — поступить в Военную командную артиллерийскую академию в Ленинграде. Окончил он её с отличием в 1957 году и вот как вспоминал о своих ощущениях после окончания училища: *«И когда начальник академии Маршал артиллерии Воронов Н.Н. при выпуске поздравлял меня с успешным окончанием, вручал золотую медаль и диплом с отличием, было приятно осознавать, что я вновь ухожу в войска, в боевой строй моих товарищей, отлично подготовленным идейно, теоретически и практически офицером».*

Пока Лев Александрович учился в академии, мы жили в своей коммунальной комнате на улице Пестеля. Сыновья росли сорванцами, как и все дети того времени. Оба очень рано поняли, что такое самостоятельность. Вместе с друзьями «изучили» все подвалы и чердаки окрестных домов. В школе оба учились хорошо, проблем ни у меня, ни у Льва с ними не было.

Как медалисту, после Академии мужу был открыт путь по любому направлению военной деятельности. И он решил, что работать преподавателем в Академии и решать научные задачи можно, только имея богатый личный опыт участия в боевых действиях. Именно поэтому попросил направить его в действующую войсковую часть. Комиссия посоветовалась, и так как вакантных должностей командира полка или войсковой части на тот момент не было, ему предложили должность заместителя командира. Он согласился. И его назначили заместителем командира, а затем и командиром войсковой части 03216 в городе Зеленогорске.

Вот как вспоминает свои первые дни в части сам Лев Александрович: *«В полк я прибыл в разгар зимних артиллерийских стрельб на Ладожском озере. Здесь я проходил своё «боевое крещение» в 1939 году. Особых изменений на полигоне я не заметил. Если не считать того, что война унесла много построек. И войска их постепенно восстанавливали. Зато основательно*

изменился характер зенитных стрельб. Главным средством разведки стал радиолокатор большого обзора, а основным средством обнаружения воздушных целей на зенитной батарее стала радиолокационная станция орудийной наводки. На вооружении полка были новые зенитные орудия. Мне пришлось восстановить в памяти все детали стрельбы шести батарей, в результате которой был сбит немецкий самолёт-разведчик в 1944 году. Эти детали оказались

*Полковник Лев Александрович Громов
командир в/ч 03216 в г.Зеленогорске*

неизвестными ни командиру дивизиона, ни командиру батареи. Начались занятия и тренировки под моим руководством. Стрельбы закончились отлично, и мы, довольные результатами, вернулись в полк. Я начал знакомиться со штабом, с командирами дивизионов, с личным составом и с организацией управления полком.

В дальнейшем я не раз убедился в силе коллективного подхода при решении многих задач. Только тогда, когда проблема рассматривается комплексно, не только офицерами штаба, а при участии всех подразделений, станет ясно, как её эффективнее решить.

Как я сам не раз убеждался во время войны и, как меня учили в академии, приступая к организации выполнения боевых задач, необходимо было, в первую очередь, всесторонне и тщательно изучить противника. Сначала я приглашал к себе со всеми необходимыми документами и справочными данными начальника разведки. Вместе разбирали сильные и слабые стороны условного противника, а затем с другими офицерами штаба разрабатывали возможные варианты противостояния противнику».

Сергей остался в Ленинграде, так он должен был пойти в десятый класс, и школу менять совсем не хотелось. А Саша пошёл в четвёртый класс начальной школы, которая располагалась прямо в военном городке Красавица, а через год, когда его перевели в пятый класс, уже сам ездил в 456-ю школу Зеленогорска. Ездил на общественном транспорте, как и все дети городка. Тогда никто и ничего не боялся. Это было в порядке вещей.

Лев Александрович принимал самое активное участие в воспитании детей. Он прививал им качества, которые в своё время воспитали и в нём: трудолюбие, умение дорожить друг другом, любовь к Родине. До женитьбы каждого из них ребята жили с нами и путешествовали по всей стране следом за папой. Ленинград, Архангельск, Харьков, Зеленогорск, снова Архангельск. Во время отпуска часто ходили с детьми в лес, но особенно мужу нравились охота и многодневные путешествия по рекам на лодке.

Первую дюралевую лодку «казанку» с подвесным мотором Лев Александрович купил в Зеленогорске. Детям, особенно Саше, очень нравились эти путешествия. Я только каждый раз беспокоилась о том, чтобы ночью в палатке они не простыли. Попыталась их укутывать, но со временем привыкла. У нас были две собаки – одна по кличке Стрелка и молодая гончая Пулька. Кроме того, мужу перед отпуском на полигоне в Средней Азии подарили орла. Он был довольно крупным – размером с взрослого петуха, но летать не умел. На лодке орёл всегда стоял на носу, с набором скорости расправлял свои крылья и, почувствовав подъёмную силу, пытался взлететь, начинал ими махать. Пролетал три-пять метров, падал в воду. Мы его там подбирали, и всё начиналось сначала. Так постепенно он научился набирать высоту и летать по-настоящему. Собаки относились к нему с уважением и опаской, хотя орёл был совсем ещё птенцом.

Войсковая часть 03216 и сегодня дислоцируется под Зеленогорском, но если в довоенные и первые послевоенные годы она была оборудована зенитными старого образца, сегодня зенитки сменили ракетные установки. Лев Александрович уже тогда понимал, что за ракетами – будущее войск противозенитной

На охоте. 1960-е гг.

обороны страны. Вот что он писал в дневнике в 1960 году: «Как я понял ещё во время войны, что свято сохраняемые традиции зенитных войск постепенно перейдут к ракетчикам и долго ещё будут служить делу защиты нашей Родины.

Нет, наверное, такого зенитчика, который в годы войны не мечтал бы о зенитной управляемой ракете. Мы видели, как эффективно действовали по наземным целям наши «Катюши», наши первые реактивные установки. Мы знали сложность создания зенитных управляемых ракет, но в то же время знали о возрастающей силе нашей военной науки, техники, промышленности. Мы надеялись, что скоро получим это сильное оружие. И мы дождались это оружие защиты чистого неба нашей страны!

Однако, мало было получить это оружие. Главная задача состояла в том, чтобы каждый военнослужащий полка умел грамотно выполнять свои новые обязанности. Прежде всего, научились новому ракетному делу мы – руководители. Нас, командиров полков обучали на самом высоком уровне. Вернувшись в часть, работа закипела. Не было ни одного человека, который относился бы к новому делу с прохладцей. Все работали с энтузиазмом, напористо, энергично. Очень большую работу провёл инженерно-технический состав».

В 1963 году Льва Александровича снова перевели на службу в Ленинград. Мы получили две комнаты в трёхкомнатной квартире в доме на Парадной улице. Соседями были члены семьи офицера. Кухня была общей. Саша пошёл учиться в шестой класс в 156-ю школу Ленинграда, которая находилась на 9-й Советской улице. Ездил сам, да ещё и водил туда соседскую девочку Свету, которая пошла в первый класс.

Уже через год, в 1964 году муж получил новое назначение в посёлок Тайцы Гатчинского района Ленинградской области. Нам дали там служебную площадь – трёхкомнатную квартиру. Саше вновь пришлось менять школу. В 1968 году он окончил десятый класс и поступил в Ленинградский институт

авиационного приборостроения (ЛИАП). Мы с мужем уехали на его новое место службы в Архангельск. Трёхкомнатную квартиру пришлось сдать, взамен неё для Саши выделили однокомнатную, где он и жил, пока учился в институте.

В январе 1970 года Льва Александровича командировали в Арабскую Республику Египет, в город Каир. Он должен был научить местных военнослужащих управлять ракетными установками, переданными Советским Союзом для создания системы противовоздушной обороны Египта. И это ему с честью удалось сделать, руководствуясь своим боевым опытом и знаниями. Успешные действия зенитных ракетных войск и, в особенности, разработанная им операция по уничтожению из засады групп израильских боевых самолётов в августе 1970 года вынудили израильское руководство пойти на заключение перемирия. В Египте он пробыл до июля 1971 года.

В 1974 году Саша окончил свой институт, был призван в армию уже в качестве офицера, так как учился на военной кафедре. По завершению срочной службы он решил пойти по стопам отца и остался на

Каир. 1970-1971 гг.

*Со сбитым израильским самолетом «Фантом».
Каир. 1970-1971 гг.*

С местными жителями. Каир. 1970-1971 гг.

военной службе. В 1979 году Александр женился и, уже будучи семейным человеком, заочно окончил факультет инженеров руководящего состава Военной инженерной радиотехнической академии имени Маршала Советского Союза Л.А.Говорова.

Решением Совета Военной командной академии противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Г.К.Жукова 3 декабря 1976 года протоколом №10 Льву Александровичу Громову была присуждена учёная степень кандидата военных наук.

В декабре 1977 года – новая командировка за границу. На этот раз в Чехословакию. Был представителем Главкома ОВС государств-участников Варшавского договора. Прожили в Праге до февраля 1982 года.

После выхода в отставку, с сентября 1982 года перешёл на работу в Ленинградский горный институт имени Г.В.Плеханова. Сначала работал там в должности старшего преподавателя, а с января 1986 года стал доцентом военной кафедры – начальником цикла гражданской обороны. Написал 45 научных трудов, 33 из них – после защиты кандидатской диссертации. Владел немецким, арабским, чешским, словацким языками. А ещё в свободное от работы время писал великолепные стихотворения.

Награждён шестью боевыми наградами, в том числе, за образцовое исполнение заданий командования в послевоенный период, двумя орденами Красного Знамени и орденом Трудового Красного Знамени, а также шестнадцатью Почётными грамотами.

Встреча однополчан. 9 мая 1969 г.

Встреча однополчан в г.Харькове. 9 мая 1977 г.

*Семья Львовых-Громовых.
Сидят: Рэм (муж Марэны), Марэна, Александр
Иванович Громов, Полина, дядя Лёва, Соня;
стоят: Кира, Лев, Вера. 1953 г.*

В Чехословакии. 1977-1982 гг.

На охоте. Архангельск. 1976 г.

Лев Александрович Громов. 1978 г.

Жизнь продолжается

21 октября 2021 года мне исполнилось 100 лет. Моего любимого мужа Льва Александровича давно нет с нами, но тепло его души и сердца навсегда с нами в детях, внуках и правнуках.

Вот уже много лет я живу в Сестрорецке с младшим сыном Александром и его женой Мариной. У них – двое детей. Сын Лев и дочь Елена. Елена защитила докторскую диссертацию и родила двух замечательных детей – Марину и Шави, моих правнуков. После выхода в отставку в звании подполковника Александр долгое время работал старшим преподавателем Пушкинского высшего училища радиоэлектроники противовоздушной обороны. В 2020 году вышел на пенсию.

Старший сын Сергей живёт с женой Любовью Васильевной в Санкт-Петербурге. У Сергея – двое детей: Арина и Максим, они тоже уже совсем взрослые.

Каждый раз, вспоминая Льва Александровича и годы, прожитые вместе, я не перестаю удивляться, как много он успевал делать одновременно. Образцово служить Родине в рядах Вооружённых Сил, работать и заниматься домашними делами дома и на даче, охотиться, рыбачить и при всём этом писать мемуары на основе своих военных дневников. Каким талантливым и многосторонним человеком он был. И я очень хочу, чтобы все мои дети, внуки и правнуки, а также те, кто прочитает эту книгу, запомнили его именно таким – жизнерадостным, любящим жизнь и свою Отчизну!

*П.Д.Громова в Севастополе
на праздновании Дня Победы. 2016 г.*

*Полине Дмитриевне 100 лет!
21 октября 2021 г.*

Стихи Льва Александровича Громова

Встреча с однополчанами
Майские ветры несут ароматы,
Пахнут цветами любви.
Грома мы первые слышим раскаты,
Чувствуем бодрость в крови.

Майские ветры несут нам дыхание
Радостей новой весны,
Будет приятным с тобою свидание,
Будут счастливые сны.

Майские ночи поют соловьями,
Их голосов мне не счесть,
Встречусь я вновь с боевыми друзьями,
С однополчанами здесь.

Здесь, в Ленинграде, за Невской заставой
Вспомним мы юность свою,
Вспомним друзей, что погибли со славой,
Пали в неравном бою.

Вспомним блокадные тёмные ночи,
Вспомним огонь батарей,
Вспомним любимых тревожные очи,
Слёзы в глазах матерей.

Вспомним с врагами мы жаркие схватки,
Свастики чёрную тень,
Вспомним мы дзоты у Средней рогатки,
Вспомним и радостный день.

Вспомним, как мы разорвали блокаду,
Как разгромили врага.
Первый салют своему Ленинграду,
Мне не забыть никогда!

Вместе с друзьями, что здесь соберутся,
Стяги полка развернём,
Вспомним, как этим знамёнам клялися:
Верьте! Врага разобьём!

Нынче хочу, чтобы мы приглашали
Чаще сюда сыновей,
Пусть они знают, как мы защищали
Славу Отчизны своей!

1 мая 1971 г.

Чтоб не знали войны
Сизым дымом виски затянуло твои,
Молодцовские кудри посыпаны снегом...
А военные годы, атаки, бои
За бойцом-ветераном торопятся следом.

Они в сердце и в памяти живы всегда.
На груди у тебя боевые награды –
Ведь боец-ветеран не сдавал никогда
Боевых рубежей Ленинграда.

И не каждому в жизни такое дано:
От начала войны и до самой Победы
Всё на фронте... И не одно
Пулевое ранение... Вот они – деды!

Сколько в памяти вашей хранится дорог,
Что вели вас к вершинам победной науки!
Их откройте вы нам, чтоб не знали тревог
И войны ваши мирные дети и внуки.

1971 г.

Надежды мирные весны
На Пулковской горе седые ветераны
Стояли молча, головы склонив...
Заныли вновь отечественной раны
И жаркие бои здесь вновь «вели» они...

Незримо перед ними вырастали
Немецких танков чёрные кресты.
С горючкой бутылки в них бросали...
Стояли насмерть... Жгли мосты...

Вот здесь их юнкеры бомбили,
Враг донимал их артогнём,
В атаки жаркие ходили,
Дрались бессменно... День за днём...

Терпели ужасы блокады,
Сражаясь, ждали того дня,
Когда солдаты будут рады
Услышать музыку огня...

Того огня, что запыхает
И с корнем выжжет зло войны...
Того огня, что согревает
Надежды мирные весны.

16 января 1985 г.

★★★

Нет, мы врагов не простим...
Нет, мы в Берлин не шли –
С боями прорывались!
К Победе мы пришли –
Мы за неё сражались!

Четыре жарких лета
Мы били в глаз и в бровь.
И знали, что Победа
Окупит нашу кровь.

Нет, враг не отходил –
Его мы выбивали!
Резервы он вводил –
Мы их уничтожали!

Нет, мы врагов не просим –
Мы боремся за мир!
И жертвы не приносим...
Мир мирный – наш кумир!

Мы будем помнить годы
Жестокой той войны...
Ведь в мире все народы
Спокойно жить должны.

25 января 1975 г.

Мне снятся заветные сны

Мне снятся заветные сны
Мне снятся военные годы
Друзья-батареицы в бою,
Семейные наши походы,
Я вижу подругу свою.

Да, вижу её у прибора.
Глаз щурит, себе на уме.
Хозяйкой Большого Бора,
И в Праге, и в Костроме.

Ты снишься хозяйкою сада,
Где много чудеснейших роз,
В душе твоей дремлет образ,
Не слышно бушующих гроз.

Весна... Я о снах забываю,
И мысленно рядом с тобой.
На даче столбы забиваю
И слушаю сердца прибор.

1971 г.

Архангельские просторы
Плещутся зори в море,
Серебро чеканит волна,
И в объятых Беломорья
Млеет Сереная Двина...

Архангельские просторы,
Леса северного шёлка,
Беломорские узоры
Северянки творит рука.

Сполохи в небе играют, сверкая.
Наши поморы их ловят стрелой,
Слитки золота в трюм опуская,
Сильно пахнущие смолой.

Рухлядь мягкая ворсом ласкает,
Чернобурка, белёк и песок.
К жизни бивни моржей возвращает
Холмогорца проворный резец.

Если сети помор забросил,
Затрепещутся в них жемчуга.
Жемчуг севера стол украсил –
Живи сёмужка на века!

Острова и двинские плёсы,
Труд свободный прославил вас.
Стивидоры, поморы, матросы,
Наш советский рабочий класс.

24 января 1975 г.

Я хочу снова видеть тебя

Я хочу снова видеть тебя
И ласкать, как при встрече ласкал.
Почему я терзаю себя?
Знала ты, куда я улётал.

Ты так долго смотрела тогда
Серебристому лайнеру вслед.
И желала в душе, как всегда
Мне удачных и быстрых побед.

Но победу добыть нелегко.
В этой трудной воздушной войне.
А сражаемся мы далеко,
Бьём врага на чужой стороне.

Но победа придёт, и поверь,
Что увидишь моё ты лицо.
Распахни дома настезь ты дверь
И встречать выходи на крыльцо.

Я прижму тебя крепко к груди,
В поцелуе сольются уста,
Все тревоги твои позади.
Предо мною – родные места.

24 августа 1970 г.

Путеводная звезда

Мы шли с тобой дорогой длинной
Мирских забот, невзгод и суеты.
И вот тогда звездой путеводной,
Звездой Полярной стала ты.

Когда-то в юности
В огромном звёздном небе
У Северной звезды я загадал,
Чтоб звёздочку свою я отыскал.
Ты в жизни много испытала

Судьбы ударов, бед, труда.
Ты мне родной и близкой стала
Моя любимая звезда.

21 октября 1971 г.

Бойцы ПВО

И ночью и днём,
В жару и в морозы,
На сопках и в тундре,
В пустынях, лесах,
Чтоб люди не знали тревог и угрозы,
Бойцы ПВО, как всегда, «на часах».

Мы небо родное порой грозовую
От свастики чёрной смогли защитить.
Зенитчики, лётчики и прошлой войною
Захватчиков били и будут их бить!

Над Родиной мирные звезды сияют,
Улыбки детей словно розы цветут.
Войска ПВО тишину охраняют
Небесную вахту бессленно несут.

1978 г.

Сорок девять

Размышления на день рождения

В двадцать первом году ночью долгой,
На семнадцатый день декабря,
В Костроме, в городке, что над Волгой
Появился на свет, братцы, Я!

Лёвкой вскоре меня окрестили,
В честь кого я могу рассказать.
Мать с отцом меня очень любили.
Потихоньку я стал возрастать.

Рос я так, как растут все мальчишки
В городах, что на русской реке.
Плавал, дрался, читал часто книжки,
Ловил рыбу, валялся в песке.

Детство. Юность.
Простившись со школой.
Я в семнадцать шагаю в поход.
Белофины зимой той тяжелой.
Растревожили мирный народ.

Много дней с той поры пролетело.
Я с тех пор неотлучно в строю.
Я люблю нашей армии дело,
на посту часовым я стою.

Небо чистое я охраняю.
Бой с воздушным разбоем веду.
Если надо пиратов сбиваю,
Как сбивал в сорок первом году.

Сорок девять отмечу сегодня.
А из них – тридцать два в строю.

Громова П.Д.
Наша память
Небо над Ленинградом

*Мемуары вдовы генерал-лейтенанта
Льва Александровича Громова*

Издание второе

Редакционная коллегия:
Михайлов В.М., Матвеев В.В., Храмцова Я.Р.
Набор текстов: Панфилова Е.И.
Вёрстка, дизайн: Курбатова Т.В.

Тираж – 300 экз.